

Михаил Дьячков

РОДИНА

Рассказы и стихотворения

Колывань
2012

О себе

Родился я 25 октября 1933 года. В школе учился очень мало, так как шла Вторая Мировая война. Окончил всего 1-й и половину 2-го класса. Дальше учиться было некогда, ведь в то суровое время надо было работать. Работал в животноводстве.

В 1951 году окончил 4 класса вечерней школы и заболел бруцеллезом, три года лечился, был инвалидом 2-ой группы, потом вылечился. Продолжал работать, вступил в комсомол, заведовал местной стенгазетой, в которой помещал стихи, в основном на злобу дня, потом и для художественной самодеятельности. Между делом продолжал учиться в школе рабочей молодежи и так в общей сложности окончил 6 классов. С 1960 года член КПСС.

Выйдя на пенсию, к поэзии приступил вплотную. Пишу для себя, для души. Пока был на пенсии, перенес несколько операций. В настоящее время инвалид 1-ой группы 3-ей степени по ОРЗ (общее раковое заболевание). От скуки и безысходности пишу, и буду писать, пока жив.

КИСЕТ

(рассказ)

С появлением табака на Руси сразу встала проблема, в чем держать табак. И появились у богатых табакерки, а у бедных кисеты. И шили эти кисеты мужьям жены, а женихам – невесты. Кисеты были самые разные. Одни простые холщевые да сатиновые. Ну, если кисет шила невеста, да с большой любовью, то этот кисет был всем кисетам кисет. Сшитый из атласа в два слоя, по краям обшит красным шелком, да с затяжной тесьмой, с кистями; а поперек кисета надпись вышита: «Своему любимому». Да с накладным кармашком для бумаги и спичек, а на кармашке вышит яркий цветок. То такой кисет был просто гордостью мужчины или парня.

С таким кисетом редко кто закуривал стоя. Владелец такого кисета обязательно сядет на что бы ни было, хоть на чурку или на пенек, разложит кисет на колене – хоть закуривай, хоть любуйся красотой такого кисета. А главное, нигде нельзя купить такого кисета, потому как не было одинаковых кисетов. Каждая женщина, девушка шила по-своему, у каждой была своя любовь, своя фантазия.

И парни по кисету определяли старание и мастерство девушки. Недаром в те времена была такая припевка:

Сшила милому кисет,
Вышла рукавица.
Меня милый похвалил:
Какая мастерица.

Как там оно было ли нет, а наверное так и было. В двадцатые годы сватали невесту по-старинке. Присмотрят девку, сосватают, дадут молодым время полчаса и хватит. Остальное после свадьбы.

Так поженили Николая, статного парня, на Дарье – красавице. Очень хорошая пара получилась. И подарила Дарьюшка Николаю красивый шелковый кисет, расшитый гладью да мелким бисером. Поблагодарил Николай Дарью за кисет, да только сказал:

- Милая Даша, а я ведь не курю и никогда не курил.

Расстроилась Дарья, что столько старалась, и все напрасно. И сказал ей тогда Николай:

- Не расстраивайся, Даша, мы вот что сделаем. Давай насыпем в кисет табаку, положим бумагу да спички и положим кисет в сундук, который нам с тобой на свадьбу подарили. И пусть он там лежит как память о нашей с тобой свадьбе.

На том и порешили. Заполнили кисет да положили в сундук, так и лежал кисет в сундуке. А только повелась через год у Николая привычка. Каждый год в день свадьбы доставал он тот кисет, клал в карман и выходил в люди. Заметит кого из мужчин, сидящих на лавочке или еще где, подойдет, поздоровается, присядет рядом, и начинает разговор про погоду, о делах, и уж обязательно предложит покурить. И если человек соглашался, то он доставал кисет и подавал товарищу. Потом ждал, пока товарищ курил. Спрашивал, как табачок. И если табак хвалили, он с удовлетворением уходил домой. И снова открывал сундук и клал в него кисет до следующего года.

Так шли года, а Дарья да Николай жили, вели хозяйство, работали, да родили и растили детей. Старший Павел родился в двадцать пятом году. Дочь Александра родилась в тридцатом, а там в тридцать третьем родился сын Иван. В тридцать пятом – дочь Катя, сынок Леня только поднялся на ножки, как началась война.

И пошли мужики на войну, уходили десятками человек, и реву по улицам было много. Пошел по повестке и Николай, провожали всей семьей, и слезам не было конца. И когда на околице прощались, Николай сказал:

- Дарьюшка, милая сохрани наш кисет, и я обязательно вернусь.

И стала семья Теленковых жить, как и все в то суровое время. Мать и сын Павел работали, Шура училась в школе, а Иван был дома за хозяина и за хозяйку. Подошел сорок третий год, и Павлика забрали на фронт. Осталась Дарья с меньшими четверыми детьми.

Корову содержать стало не вмоготу, и пошло хозяйство в упадок. И была у них одна радость – это письма с фронта, что живы отец и сын Павел, отец ранен был, но вылечился, и снова в строю. А в конце сорок четвертого не стало писем от отца, шли только от сына, а дома совсем плохо стало. И Шура пошла работать. Тут на Ивана свалилось все оставшееся хозяйство: и огород, и младшие сестра да брат. А ему всего-то шел одиннадцатый год. И Теленковы, как и все, постепенно нищали, обновки купить было не на что, да и негде. И сундук пустел, так оставалось на дне несколько платешек, да две рубашки и кисет, к которому никто не смел притронуться кроме матери. И, глядя на кисет, Дарья все надеялась на то, что жив ее Николай, отец их детей, хозяин семьи.

А в начале сорок пятого – новая беда: сына ранили в голову, и он теперь в госпитали.

Пришла весна сорок пятого, а с ней и победа. В честь победы добавили нам хлебный паек: вместо двухсот граммов, дали по двести пятьдесят. Как же мы были этому рады! А у Теленковых тоже большая радость – от отца пришло письмо. А Николай писал, что во время боя был контужен и попал в плен. «А под конец немцы совсем озверели. Кормежки – никакой, а били и убивали за любую провинность. Как жив остался – это чудо. А из плена нас, оставшихся в живых, освободили наши. И я сейчас нахожусь на лечении от контузии и дистрофии. (В это время Теленковы и переехали с Сухой жить к нам на Полеводку.) В конце года буду дома».

И по первому снегу Николай пришел домой. Пришел без подарков, без трофеев, как некоторые приходили. Но главное, живой! А дома даже картошки мало было. Тут в скорости и сын Павел выписался из госпиталя. И вновь вся семья дома. Правда, сын был еще слаб, часто болела голова. У него еще осталось два осколка в голове от разрывной пули, да и коробка черепа толком не зажила после операции. Но как бы не было – дома есть дома. А Николай взялся за дело, он не жалел никого. Сам работал и детей заставлял. Начал поднимать хозяйство. Менял все, что можно сменять, на картошку, зарплату тоже гнал на картошку. И весной вечером на рабочих быках вспахал землю.

И посадили они картошки тридцать пудов. А сам подрядился по договору скот пасти. Человек он был деловой, еще зимой вытесал из осины лыжи широкие и ходил за калиной. А летом топором да долотом выдолбил деревянную ступу. У нас там росло много конопли, так он всю семью организовал, как только конопля созрела, дергали, сушили, молотили в тряпках, веяли на ветру, толкли в ступе. И получилась такая беловатая с серыми крапинками, маслянистая каша. Вот эту кашу и добавляли в картофельное пюре, получалось и вкуснее, и сытнее. В личном хозяйстве завел корову, поросят, овец – зажила семья.

И вот однажды, приходит он домой в приподнятом настроении, и говорит жене:

- Даша, дай мне поесть, - а сам достал из кармана четушку водки, - и подай два стакана, да и сама рядом садись.

Жена налила суп, отрезала хлеба и села рядом. Николай открыл водку, налил немножко жене, а остальное себе вылил и сказал:

- Давай выпьем, Даша, за нас с тобой, за наших детей.

И они выпили. Он поел, потом встал, надел пиджак и сказал:

- Сегодня, мать, праздник! А сохранила ли ты кисет?

Дарья разругнулась от водки, открыла сундук и достала кисет. Осмотрела его, погладила, кисет был как новый, достала табак, понюхала – нет, прелью не пахнет, уцелел, не испортился. Свернула она его и подала мужу. Николай взял кисет и спросил:

- Даша, сколько же лет прошло с тех пор, как я его держал в последний раз?

Дарья повернулась к Николаю и сказала:

- Шесть... Шесть лет, - а сама ткнулась в грудь мужу головой и заплакала. Николай погладил ее по спине, утешая ее, сказал:

- Ну что ты, Дарьюшка. Я же вернулся, живой. А войны больше не будет. И мы с тобой еще проживем. Ты еще мне сына родишь.

- Милый, я не для того кисетшила тебе, чтобы он в сундуке по шесть лет лежал, чтобы доставать его через шесть лет. Я готова доставать его тебе каждый праздник, лишь бы эти праздники были почаще. Ведь шила-то я его более двадцати лет назад, а он все как новый, не сопрел, не выцвел, даже табак в нем сохранился, не испортился.

- Милая Дарьюшка, я там, на чужбине помнил и тебя, и наших детей, и твой кисет. Может быть, это мне и помогло выжить. Я каждый день там думал о вас. Нет у меня дорожее ничего на свете, как ты, наша семья, наша Родина, наш кров, наш с тобой кисет.

Прошел еще один год. Николай присмотрел в Белоярке дом пятистенок. Купили, перекрыли крышу и переехали в Белоярку. А Дарья Николаю сына родила, назвали Васей. Павел поправился, женился на хорошей девушке, Лиля звать.

На том наши пути разошлись. Утверждать не буду, изменил ли свою традицию Николай, наверно не изменил. Уж очень он дорожил подарком своей жены. Как он называл ее Даша. Нет, не изменил, если кисет для него был также дорог, как семья, как Родина!

Рассказ написан на реальных событиях, имена и фамилия подлинны.

9.01.10.

ПЛАТОЧЕК

(рассказ)

В тридцатые годы двадцатого века у молодых парней была мода. Заслужить доверие девушки и добиться ее подарка в виде носового платочка, обвязанного по краям красной нитью, как окантовка. Молодой парень, обладающий таким платочком, считался «занятым» или имеющим девушку, подружку. Такой парень демонстративно показывал платочек, вытирая им совершенно сухой нос. Порядочный парень никогда не будет сморкаться в такой платочек. А если парень шел по улице в белой рубашке, заправленной в брюки под ремень, то у него из правого кармана выглядывал уголок обвязанного платочка. И, видя такого парня, кто-то завидовал, а кто-то подсмеивался над ним, злорадно крича: «Эй, жених, платочек потеряешь!» Такие издевки иногда кончались потасовками.

Но настоящие невесты своим возлюбленным дарили платочки с великим удовольствием. Так продолжалось до середины пятидесятых. А в глубинках и дольше. Настоящий жених дарил своей девушке косынку или платок. Платочки, даренные парням, не всегда были белые, но обязательно шелковые, так как дарились они на память.

После победы в Великой Отечественной Войне бытовала такая песня о платочке:

Подарила на память платочек,
Тот, который нельзя потерять.
Ой, платочек мой, шелковый, красный.
Мы уходим на запад опять.

Почему ты мне долго не пишешь?
Али нечего больше писать?
Али кажется все это лишним?
Надоело, не хочется ждать?

Напиши, труд не будет напрасным,
Если помнишь и любишь меня.
Ой, платочек мой шелковый, красный.
Ой, родная сторонка моя.

Песня была звонкая, протяжная, и вдовы, слушая эту песню, частенько швыркались носами. Я сожалею, что не слышал, и не знаю больше слов этой песни. А может, их больше и не было. А вот платочки долго являлись атрибутом гордой, большой и чистой любви!

ОРЕЛ

(рассказ)

Орел – не только царь среди птиц. Славясь своей мощью и гордостью, орел еще и благороден, и красив. Он отличается от остальных птиц еще и аккуратностью и чистотой. Человек по сравнению с орлом – ничто. Медицина утверждает: чистота – залог здоровья, но это – не открытие медслужбы, открытие это принадлежит дикой, живой природе.

У нас на выпасах жил орел. Простая сибирская птица. И, наблюдая за его поведением, невольно позавидуешь его аккуратности и мастерству в приготовлении обеда. Нет, это не чеховский герой, подавившийся слюной в рассказе «Блины», орел – не жадная, терпеливая птица. Он очень чистоплотен. Я был не раз очевидцем его охоты, а точнее, добывания пищи для обеда. Было у нас болото с крупными, редкими кочками, а между ними – вода, местами до пояса. Самое лучшее место для гнездования и обитания уток. Вот орел ближе к осени и облюбовал территорию для охоты. А охотник орел отменный. Поднимается ввысь, сделает круг над болотом, высмотрит табунок уток – мелких не брал, только крякву – а потом налетит внезапно, бедные утки не знают куда деваться. Орел, он еще и психолог – создаст панику среди уток, они поднимаются на крыло, а орлу этого только и надо. Когда они кричат не по-утиному и летят без цели. А скорость у орла большая, утки только набирают высоту, а он тут как тут, подожмет лапы у

груди, как боксер на ринге, потом точно над спиной выбрасывает их вперед с распушенными когтями, и все – утка поймана.

Усядется либо на стог, либо под ствол старой березы, и начинает готовить себе обед. Посмотришь на его готовку – хозяйка сельская так не сделает. Он для начала утку обездвижит, а потом начинает ее ощипывать, сначала ощипывает крупные перья, и, с аккуратностью хозяйки, складывать их в кучку. Сложит все до перышка, потом начинает выщипывать пух и складывать в отдельную кучку. Щиплет, кладет и клювом придавливает, чтобы ветром не раздуло. Очистит всю до пушинки, чистенько, аккуратно, после этого откусывает точно по суставу лапки и клюв, и тоже отложит отдельно. После этого приступает к потрошению. Положит утку на спинку, прижмет лапами крылышки. Аккуратно вскроет брюшко и осторожно, чтобы не порвать, вытащит кишки, отделит от жира и положит отдельно кучкой. Вытащит печень, отделит желчный пузырь и отложит в сторону, а печень съест. И только после этого приступает к трапезе. Он с легкостью отделяет голову, раздавливает ее и глотает. Потом отделяет шейку, как хирург. Он не ломает ни одной косточки в не нужном месте. Сначала съедает грудку, потом лытки, окорочка, крылышки. И под конец съедает весь скелет. Утка весит один килограмм шестьсот граммов, поедается вся за обед. Потом орел садится либо на стог, либо на макушку большого дерева, и подолгу сидит, как в оцепенении.

На охоту ни в этот день, ни на второй не летит. Понапрасну или для запаса осенью орел не охотится. Подойдешь к месту трапезы орла и видишь идеальный порядок: нигде не валяется бесхозно даже пуха. Ты насчитаешь ровно четыре кучки, и каждая на своем месте. Вот такой чистюля и аккуратист орел. Мне попадали и места, где орел обедал зайцем, и вся система почти такая же, отдельно лапки и голова, правда, без глаз. Также кишки лежали отдельно, брюшная полость вскрыта, желчный пузырь отделен, кусочки шкурки сложены в кучку отдельно.

Никто из птиц и зверей не обедает так аккуратно, как орел. Отсюда и вывод: человек, желающий быть похожим на орла, он должен быть сильным, смелым и гордым, он еще должен быть гигиеничным, аккуратным, хозяйственным и не жадным. Так что, человеку быть настоящим орлом нелегко!

РОДИНА

Родина – святое слово,
Но не только в слове суть.
Это жизни всей основа.
Где ты можешь отдохнуть,

Успокоиться душою,
Да поправить быт и кров.
Ничего, что небольшое
То гнездо, где есть любовь.

Да, она не только слово.
От душевной чистоты
Только к ней стремимся снова,
Чтоб наладить все мосты.

Да, слово «Родина» святое.
Ей святость люди придают.
Там город ли, село простое,
Но все о Родине поют.

А Родина, она простая.
Пусть беден ты, изба пуста,
Но только к ней ты прирастая,
Как птичье племя у куста,

Которое гнездо там свило,
Чтоб в нем и выпарить птенцов.
И жизнь в кусте им любя, мила,
Как игры в мам или отцов.

Без Родины никто не может,
Будь ты больной или здоров,
Лишь Родина тебе поможет
Приобрести и стол, и кров.

Весной, когда все оживает,
Не оторвешь от неба взгляд,
Ты видишь: птица прибывает –
Они на родину летят.

Да, Родина для человека,
Она, как мать, к себе зовет.
Так было от создания века,
К ней человек всегда идет.

Пусть там не рай, а холод, стужа,
Но если ты родился там,
Условия там жизни хуже,
Но Родина милее нам.

И если в чужине где-либо
Жизнь у тебя не удалась,
Запомни парень, даже рыба
Плывет туда, где родилась.

ПУТЕВКА (поэма)

Было, не было ли это,
Но поверьте мне, друзья,
Как однажды, жарким летом,
За границу ездил я.

Ездил я не за товаром,
Не оплачивал я виз,
Я туристом ездил даром
По путевочке в круиз.

А путевка получилась
Просто так, сама собой,

Вот ведь в жизни как случилось,
Как начертано судьбой.

Мы в бытовке отдыхали
Меж тяжелого труда.
Месяц март, раскрылись дали,
Солнце светит, как всегда.

То был восемьдесят третий,
Год хороший, не пустой.
Из райцентра нас тут встретил
Представитель не простой.

Он приехал к нам с докладом,
Как привесы получить,
И в итоге, как награду,
Мне путевку ту вручить.

Не просил, не добивался,
Лишь работал, как умел,
По партийному старался,
На собраниях был смел.

Мастерство свое не прятал,
Молодых в делах учил,
Не просил особой платы,
И путевку получил.

Слухи разные ходили,
Люди с завистью глядят –
Вот, путевкой наградили,
А там медалью наградят.

Вот, что значит, быть партийным,
Как ни как, он коммунист,
Он на сцене стал активным,
Настоящий стал артист.

Да причем тут ваша сцена,
Он в работе очень смел,
По труду и дали цену,
И путевку снять сумел.

А путевка не простая –
Не дом-отдых, не курорт –
По оценке золотая –
Говорил кругом народ.

Побывает в разных странах,
По морям на корабле,
Может даже в океанах
И на северной земле.

Вот удача-то какая,
В разных странах побывать.
Да, путевка не плохая,
Можно время убивать.

И не будет передраги.
Собираться в путь пора,
Лишь заполнить все бумаги,
Чтоб не ехать на «ура».

От Сибири скорый поезд.
Да в купейном до Москвы.
Туфли – лак, на брюках – пояс,
Господами стали вы.

Двое суток полем, лесом,
Через горный перевал,
Впереди Москвы завеса,
Позади Сибирь, Урал.

А Москва открыла двери:
Заходите, господа!

Ни за что бы не поверил,
Что вот так попал сюда.

Боже мой, ну что за город!
На вокзалах суета.
Заложить нельзя за ворот,
Не Москва, а маята.

У вокзалов шумно, тесно,
А народ течет рекой.
Нам столица интересна,
Что за город-то такой?

Многие в Москве впервые,
Это если так сказать.
Мы же русские живые,
Что ль автобус заказать.

Да проехать по родимой,
Убедиться, увидеть.
По Москве родной, любимой,
Чтоб на гуще не гадать.

И потом не стыдно было
Детям, внукам вспоминать,
Что Москва нас не забыла.
Наша гордость! Наша мать!

Покатались, посмотрели,
Прокатались на метро.
В общем, за день мы успели
Осмотреться как хитро.

Эскалатор, электрички,
Как Москва живет в быту,
И конечно, по привычке,
Запаслися на лету.

В магазинах все, что хочешь.
Погляди, ну все там есть.
Даже если есть не хочешь,
Купишь что-нибудь поесть.

Да, богаты магазины,
Что угодно для души,
И наполнили корзины,
Что ж, покупки хороши.

Тут и фрукты, и колбасы,
Водки, вина – завались.
И пополнили припасы,
На дорогу запаслись.

Нам до Мурманска в дорогу
Ехать очень далеко,
И продукты понемногу
Мы за путь съедим легко.

Ну, прощай, Москва-столица!
Спасской башни бой часов.
Нам в вагоне будет сниться
Заполярье поясов.

Поезд тронул, покатались
По российским поясам.
Вот, с Карелией простились,
Едем к тундровым лесам.

Проезжаем апатиты,
В белой крошке полотна.
По опали аппетиты,
Водку выпили давно.

За окном все ниже стланик,
Поезд катит под уклон.

Ближе к северу прохладно.
Вот и Мурманск, встал вагон.

Выгружайся, край дороги,
Дальше рельсы в тупике.
Заполярье, но тревоги
Нет, хотя мы вдалеке.

Будто не было недели.
Дни в пути у нас прошли,
На дорогах пролетели,
И мы на краешке земли.

Мурманск – город интересный,
Разместился между гор.
И пошли мы, как известно,
Рассмотреть его в упор.

Ну и город, рядом море,
Ни деревьев, ни куста,
Серый камень, словно «горе»,
В заполярье жизнь не та.

Ни цветов, ни палисадов,
Кое-где трава да мох,
Только камни у фасадов,
А над ТЭЦом дым и смог.

Посмотрели, подивились.
Как же люди тут живут?
И на деле убедились:
Жизнь дает им только труд.

И живут себе, не тужат,
Замечательный народ.
Меж собою люди дружат,
Их и холод не берет.

А потом нас пригласили
На беседу в белый дом,
Там дотошно разъяснили,
Что нам делать чередом.

Декларации заполнить,
Сколько водки прихватить.
Попросили нас запомнить,
Что мы можем там купить.

Наконец-то и таможня.
Все проверили как есть.
Боже мой, ну сколько можно,
Ну, пора бы знать и честь.

Сколько было поучений,
Как нам там себя вести,
Да партийных поручений,
Чтоб страну не подвести.

«Чтобы не было контактов
С незнакомыми людьми.
Не дай бог, подобных актов,
Хоть вас громом разгроми.

Да держать себя особо,
Не ходить по одному,
И знакомиться с особой
Запрещенно, ко всему.

Покупать нельзя напитки,
Сигареты, наркоты.
Ну, купите там открытки,
Да и то без наготы.

А еще ну пару джинсов
Или джинсовый костюм.

Из себя не ставьте принцев,
Не заглядывайте в ЦУМ.

Там все очень дорогое,
Лучше маленький ларек.
Вы не лорды, вы – другое,
Не богат ваш кошелек.

Вот на доллары сменяйте,
Двадцать восемь по цене,
Но нигде не добавляйте
Из валюты в стороне.

Контрабанда это будет,
Пропадет напрасный труд.
Если кто и позабудет,
На таможне отберут.

Да смотрите друг за другом,
Чтоб никто вас не украл.
Ну так вот, ходите цугом.
Заграница – не Урал».

Украдут? Кому я нужен?
Был бы служащий юрист
Или там богатым мужем,
А то скотник, тракторист.

«А вдруг выкуп с вас запросят?
Тысяч двадцать, так сказать».
«И куда тебя заносит?
Я не стою даже пять».

Ну и сколько же мурыжить?
Что они там, дураки?
Мы хоть где сумеем выжить.
Воровать нас не с руки.

Наконец-то все дебаты,
Слава богу, отошли.
Собрались мы, как солдаты,
К кораблю на пирс пошли.

Ах, какой красавец лайнер,
Настоящий самолет,
Жаль без крыльев в этом плане,
В остальном – готов в полет.

Белый, стройный, носовая
Шести метров над водой,
Плюс, надстройка верховая,
Да четыре под водой.

Оснащенный острым шпилем
Для касания со льдом.
В сочетании со штилем –
На воде плавучий дом.

Вон и рубка рулевая,
Восемь шлюпок по бокам,
А площадка кормовая
Стала точкой мужикам.

Спущен трап шарнирный прочно,
А у трапа постовой
Пропускает и нарочно
Долго смотрит паспорт мой.

С фотографией сличает
И стоит, как истукан,
Ничего не отвечает,
Двухметровый великан.

Кое-как потом очнулся,
Паспорт в руки отдал мне.

Тут же быстро развернулся,
Растворился, как во сне.

Я тот час на борт поднялся,
Там уж были все друзья.
После только догадался,
Что тут можно, а что нельзя.

Нас собрали и сказали,
Что на этом корабле
Мы в любой заморской дали,
Как на собственной земле.

Только здесь Отчизна наша,
Территория страны.
Здесь наш дом и с пищей чаша,
Здесь мы сможем видеть сны.

Остальное все не наше.
Как туристов встретят нас.
Нам расскажут, как тут пахнут,
Но всему придет свой час.

«А теперь мы вас попросим
По каютам разойтись,
Если будут к нам вопросы,
То к службе обратиться».

Разместились мы сначала,
Все как надо – молодцы.
И команда прозвучала:
«С корабля отдать концы!»

Заработали моторы,
Дрогнул корпус корабля,
Мы выходим на просторы.
Рулевые у руля.

Сзади винт буравит воду,
Набирает судно ход.
Мы выходим на свободу,
В первый раз в морской поход.

Завершились испытанья.
Ожидаем эксклюзив.
Город Мурманск, до свиданья.
Кончен Баренцев залив.

Курс на север на Шпицберген.
Далеко ли близко он.
А потом уж город Берген,
Не знакомый нам район.

А пока в открытом море,
И не видно берегов,
То ль на радость, то ль на горе,
Не нажить бы где врагов.

Наш вояж международный.
Кто-то друг, а кто-то туз?
С виду вроде благородный.
Братья все, один союз.

Вон идет лощеный, бритый,
Соблюдает этикет,
А сам «бандэра» недобитый,
И готовый на пикет.

Тут застоя власть повинна
С послаблением в борьбе.
Уж в то время Украина
Заявляла о себе.

Но о том не надо думать,
Оптимистом надо быть,

Улыбаться, а угрюмость
Кинуть в море, позабыть.

А пока бы осмотреться.
В море льдин-то вон, полно,
По теплее приодеться,
Знать, студеное оно.

Хоть волны тяжелой нету,
А за бортом – минус два.
Солнце светит, вроде лето,
А замерзнуть – дважды два.

Как никак, а крайний север,
И корабль наш, как перст,
Среди льдов – пушинка, веер.
До оси-то тыща верст.

Вот Шпицбергена вершины
Показались в дали.
Ход убавили машины,
К пирамиде подошли.

У подножья пирамиды
Первым встретил нас буксир,
Он своим рабочим видом
Пригласил нас всех на пир.

Обменялися гудками,
Не один, а много раз.
Хозяева поселка сами
Приглашают в гости нас.

Сам поселок Пирамида
Назван просто в честь горы
Экзотического вида
На коньке земной коры.

Меж шпилей остроконечных
Отложились ледники,
От земных осадков вечных
Отражая огоньки.

Цвет разлома интересный,
Розовато-голубой,
Как бы сжатый в щели тесной,
Расслоился сам собой.

Мы сошли на пирс мощный
Дальней, северной страны.
Вот, что значит люд сплоченный,
Нашей Родины сыны.

Что живут в жестокой стуже,
Добывая уголек,
Затянув ремни потуже,
Вспомнив, как их дом далек.

По дощатому настилу
В дом культуры мы идем.
Видно, север кажет силу,
Коль с тройною рамой дом.

Да стеною утепленной
Чуть не метр толщины,
Крепкой сталью укрепленной.
Здесь ветра зимой сильны.

Так что, ходим по веревкам,
А иначе заметет.
А труднее всех коровкам,
Не дают они приплод.

А зима почти без края
Девять месяцев подряд,

Ночь, сиянием сверкая,
Двести суток, говорят.

Но потом сплошные сутки
Солнце светит день и ночь.
«К нам зимою на минутку
Забрести медведь не прочь.

Хорошо, когда он сытый,
То пройдет – и ничего.
Но он зверь, и не убитый,
Будь подальше от него.

Даль прыжка – на восемь метров,
Весом с доброго быка.
Хорошо, как против ветра,
А не то, намнет бока.

А потом тобой закусит,
Не побрезгует и съест.
Он добычу не упустит.
Этот зверь такой уж есть».

Да, Шпицберген – лед и камни,
Край открывшейся воды.
Он хранит большие тайны,
Не откроет без беды.

А шахтеры там не тужат,
Гонят уголь на гора.
Хорошо Отчизне служат.
Да завязывать пора.

Там они нас будто ждали,
И встречали нас пешком,
И концерт свой показали,
Угостили шашлыком.

И простились очень мило,
Пожелав нам добрый путь.
А в зените солнце плыло.
Полночь – надо отдохнуть.

Вновь работают машины,
От винта волна бежит.
До свидания вершины!
К Баренцбургу путь лежит.

Баренцбург стоит на плато.
Не великий городок.
Тут природа не богата,
От природы и видок.

Берег всем ветрам открытый.
До небес достать рукой.
От народа далью скрытый
Дикий северный покой.

Нас вчера у Пирамиды
Поприветствовал тюлень,
А сегодня, так для вида –
Гляньте, северный олень.

Щиплет ягель у дороги,
Так уж жизнь ему дана,
Ну хотя бы был безрогий,
Да видать ему жена

Изменяла не однажды,
Коли выросли рога.
От страстей любовной жажды
Он ударился в бега.

И теперь один пасется,
Так уж нравится ему.

А быть может, обойдется,
Даже лучше одному.

А нам в новинку, подивились
На метровые рога
И на деле убедились,
Здесь спокойней нет врага.

И его никто не тронет.
Могут люди защитить.
Волк в болото не загонит,
А человек не будет бить.

Ну а мы по приглашению
Все отправились в музей.
Ко всеобщему решению,
Как в старинный Колизей.

И в музее там, не скрою,
Самом дальнем по стране,
Мы с историей морскою
Познакомились вполне.

О поморах, о героях,
Наших русских моряках,
О старинных китобоях,
О зверях, овцебыках.

И о том, как китобои
Здесь бывали многих стран.
Мореходы, как ковбои,
Даже через океан

Навещали грозный Груман,
Так Шпицберген в старину
Называли за угрюмость,
Эту дикую страну.

Китобои здесь бывали
Не для красного словца,
И китов тут добывали,
Будто нету им конца.

Так за прибылью гонялось
Много разных храбрецов,
И животных не осталось
От охотников спецов.

Кое-где лежат скелеты.
Да касатки иногда
Прогуляются за лето,
Да и то-то не всегда.

Мы в музее рассмотрели
Гарпуны и чучела,
А потом аж обзрели
Предприятий всех дела.

Попрощались, честь по чести,
А теперь нам снова в путь.
И собрались мы все вместе,
Чтоб покушать что-нибудь.

До свидания, Шпицберген!
Пожелайте нам пути.
Курс лежит на город Берген,
Нам в Норвегию идти.

Далеко ушли от дома,
На шестнадцать поясов.
В море волны на изломе.
Крутим стрелки у часов.

Вот из северного моря
Мы в Норвежское вошли.

От морской болезни горе,
Половина полегли.

Море слабеньких не любит.
Может сильно укачать.
Только крепких приголубит,
А за слабых отвечать

По неволе, а придется.
Только кто же виноват?
Что не каждому дается
Моря бурного охват.

Человек – соринка в море,
Весь удел его таков.
Но не радость, а на горе,
Ураган для моряков.

Как бы там не бушевало,
Мы по морю шли да шли.
Наконец, волна опала,
Утром к фьорду подошли.

Солнце, яхты с парусами,
И проходят корабли,
Значит, скоро мы пристанем,
Не далеко до земли.

Наконец, и город Берген.
Близко к пирсу подошли.
И остался наш Шпицберген
На другом конце земли.

Спущен трап, и мы на берег
Смело сходим с корабля.
Может, тут и плавал Беринг.
Незнакомая земля.

Но решаем, для разминки,
Так по городу пройти.
Интересные картинки
Нам встречались по пути.

Там дворцы, как будто плыли,
Небывалой высоты.
В сказках Андерсена были
Те дворцы для красоты.

С небывалыми шпилями
У подножья гор они,
И смотрелись сказкой сами,
Стариною в наши дни.

Вот теперь я понимаю,
Что здесь Андерсен бывал,
А картинки в сказках, знаю,
Он отсюда рисовал.

Место сказочно красиво,
На дорожках чистота,
И природа всем на диво,
От нее и красота.

Да и Григ совсем недаром
Обосновал свой уют.
Наделен от Бога даром.
Здесь не зря о нем поют.

Синеглазые озера,
Горы в зелени лесов,
Тут и фауна, и флора,
Все идет от поясов.

И от этого уюта,
От подобной красоты

Сигарету, спичку круто
Под ноги не бросишь ты.

Самому же будет стыдно
Мусор под ноги бросать.
Да, природа. И завидно,
Жизнь здесь просто благодать.

Может, я и ошибаюсь,
Может, жизнь здесь коротка.
Извините, я раскаюсь,
Уж простите дурака.

За мое непониманье,
За прямую простоту,
Но, прошу у вас вниманья,
Я хвалю лишь красоту.

Кто же скажет «Нет!» поэту?
Кто мне сможет возражать?
Завтра сменим мы карету,
Нам на Осло путь держать.

С корабля на электричку
Пересели, и вперед.
Провели нам перекличку,
И на север, Осло ждет.

Посчитали – все на месте.
По туннелям и горам
В электричке катим вместе,
А дорога, словно БАМ.

Да, экзотики не мало.
Посмотрели из окна,
Тут бы ехать экстрималам,
Что не надо и кина.

Как в июле с гор на лыжах
Там катается народ,
Рассмотреть бы все поближе,
Даже за душу берет.

Снег белее, чем сметана,
Толщиною метра три,
Красивее всех фонтанов,
Сколь в окно ты не смотри.

Что-нибудь да прозеваешь,
Тут обзор совсем не тот,
Так что, сам ты точно знаешь,
Что не каждому везет.

Вон с горы дивчина катит,
Распустила волоса,
Я уверен, это Катя,
У нее одной коса.

Постоянно расплетает,
Собираясь на лыжню.
Да, норвежка там летает.
«Вот трепач – семь Кать на дню.

Ну скажи нам поскорее,
Где знакомился ты с ней?
В Копенгагене? В Корее?
Может в гости ездил к ней.

Если б часик постояла
Электричка над горой,
Но она-то убежала,
Не стояла той порой».

Уж какое тут знакомство,
Разглядеть-то не дают,

А может, там мое потомство,
Может, был у нас уют.

А вагончики катились,
Вечерело за окном;
А в дали огни светились,
Вот бы чаю перед сном.

Наконец, остановились,
Семь часов прошло в пути.
Провожатые явились,
Чтоб в отель нас привести.

И в отеле разместили,
Чтоб за нас не отвечать.
Мимоходом попросили
Телевизор не включать.

Мы все поняли, вселились,
Разошлись по номерам.
Так, немножко побесились,
Спать пора ложиться нам.

А на утро мы проснулись,
Сполоснулись, прибрались,
Осмотрелись, улыбнулись
И на завтрак подались.

Будь не ладен завтрак этот,
Вместе с ним и шведский стол.
Ресторана кабинеты,
И не русский хлебосол.

Лично я не знал загрузки.
На столе колбасы, хлеб.
Я-то думал, так закуски,
Думал, будет и прихлеб.

Взял в тарелку так немножко,
Как холодный закусон,
Удивился, где же ложка?
Видно мне не в руку сон.

Что наш завтрак будет сытым,
Борщ горячий на столе,
И с огромным аппетитом
Будем кушать, как в селе.

Про себя слегка ругнулся,
А повторить и невдомек.
Боже, как я лопухнулся,
Что за пакостный денек.

Это нынче очень модно
День, другой поголодать.
Для девицы благородной,
А мне осталось только ждать

Наступил скорей бы вечер,
Да добраться к кораблю.
А пока что делать нече,
Что ж, денек-то потерплю.

День по Осло промотались,
Побывали у скульптур,
По музеям прогулялись.
Да провались он, этот тур!

Только к вечеру добрались
Мы к родному кораблю.
Вобщем, вдоволь нагулялись,
А теперь поем, посплю.

Нам с утра опять забота,
На автобус и вперед

В турпоход, как на работу.
Лучше горе не берет.

Плот Контики осмотрели
И большую лодку Ра.
Да на парусник поспели
С корабельного двора.

Да, Норвегия такая,
Не богата, не бедна,
А от края и до края
Не великая страна.

Семь часов на электричке,
Почти всю пересекли,
И по морю по привычке
Курсом к Дании легли.

Город Осло, до свиданья!
В Копенгаген лег наш путь.
У туристов ожиданье –
Может, купим что-нибудь.

Нам червонцы поменяли,
Вышло баксов тридцать семь.
Вот на это мы гадали,
Что купить тут можно всем.

Копенгаген – город милый.
Но я малость поспешил,
И за джинсы, как бы с пылу
Так, чуток переплатил.

Не всегда выходит круто,
Если чуть не повезло,
На оставшуюся валюту
Накупил я барахло.

Приобрел кроссовки, майки,
Электронные часы.
И не надо мне Клондайка,
Из эластика трусы.

А Копенгаген – город древний,
Много рыцарских дворцов,
Это память не деревни,
Это эхо храбрецов.

Во дворцах о древней жизни
Можно вычислить без слов,
Жили здесь сыны отчизны,
Защищавшие свой кров.

Это видно без буклетов
По портретам во весь рост,
По перу больших поэтов,
По доспехам чин и пост.

В Копенгагене пространство
Больше, чем в других местах,
И немало иностранцев
Проживает на свой страх.

Как ни как, а к эмигрантам
Тут совсем другой подход,
Продавцам да гувернантам,
Может быть, и повезет.

Вот поляк, торговец узкий,
Будет жить, не прогорит,
И по-датски, и по-русски
Очень чисто говорит.

Но не всем, как говорится,
Так везет, как тем двоим.

Вот английская девица
Приглашает на интим.

Не поверите, ребята,
Средь больших особняков
Можно встретить в эмигрантах
Наших русских мужиков.

Там и видел я такого,
Он дрова к печи носил.
Как колхозника простого,
Он по-русски нас спросил:

«Братцы, братцы, вы откуда?»
«Мы-то все сибиряки»
Отступил от нас покуда,
Для него мы не с руки.

Видно он с другого места,
Неприглядный его вид.
Не сойти, друзья, мне с места,
Бедность парня говорит.

В старой кепке, в телогрейке,
Да в кирзовых сапогах.
Он тоскует по семейке
И нуждается в деньгах.

Он не рад, что тут остался.
Думал, будет жить, как пан,
А на деле оказался,
Как бездомный пес Полкан.

Он готов за хлеб и воду
Целый день носить дрова,
А в холодную погоду
Будет жить едва-едва.

Мы помочь ему не сможем.
Он в отчаянье лихом.
Нам на утро путь проложен
Морем к острову Бронхольм.

На Бронхольме губернатор,
Он спокойно встретил нас,
И, как истинный сенатор,
Начал с жизни свой рассказ.

Он на острове хозяин
Вот уже двенадцать лет,
Коммунист к тому, не барин,
Вот такой нам дал ответ:

«Здесь в войну фашисты были,
А когда русские пришли,
Немцам сдать предложили,
А те на сдачу не пошли.

Бой жестокий, скоротечный,
Так, не боле двух часов.
Тут лежат в могиле вечной
Двадцать девять молодцов.

Немцев быстро перебили,
Остров был освобожден.
Тысяч пять в десанте были,
Весь поселок был сожжен.

Русских тут похоронили,
Вон могилы их лежат.
В честь их буки посадили,
Двадцать девять буков в ряд.

В конце ряда, как надгробье,
Скромный памятник стоит,

В виде ромба, столб подобье,
Черный мрамор, не гранит.

И могилы эти помнит
Наш народ и бережет.
Чтоб росли, он буки кормит,
Свято место стережет».

Мы побыли на могилах.
До свидания, Бронхольм!
Пусть живут тут люди в виллах,
А мы отправимся в Стокгольм.

Это шведская столица.
В ней, куда ты не пойдешь,
Лучше нам посторониться,
В неприятность попадешь.

Вышло так, что к нам автобус
Подошел еще с утра.
Посмотреть на шведский тонус
Нам давно уже пора.

Гид – пенсионер по-шведски,
Шестьдесят пять лет ему,
Но просил он нас по-детски
Не трепаться никому.

«Пригласил бы вас на кофе,
Но уехала жена».
Но не так уж все и плохо,
Нам кофейня не нужна.

По Стокгольму едем, катим
В центр города, к дворцам.
О боях, о ядрах, хатах
Гид рассказывает нам.

Мы идем за группой группа,
Слышим гидов голоса.
Все идет совсем не глупо.
Смотрим, статуи чудеса.

Все, что надо осмотрели,
Где дворцовые дома,
Да гвардейцев обозрели,
Довели все до ума.

А потом, как дискотеку,
Нам поставили концерт,
Да с утра в библиотеку,
Что в столице на конце.

Я библиотеку эту,
Как и все, обозревал,
В ней не раз случалось летом
Ленин часто пребывал.

Там он вел свои работы,
У него был столик свой,
И пускал он в обороты
Труд науки мировой.

Мы весь город осмотрели,
Трое суток были там.
И наверно надоели,
Уходить пора бы нам.

Утром в Хельсинки дорога,
А там и наша сторона,
Значит, тут нам быть немного.
Дома дети и жена.

Да, скорей бы так случилось.
Дома лучше, как ни как,

Чтобы за морем не снилось,
А родное – не пустяк.

Лучше нет родной сторонки,
А чужое не про нас.
Пусть у них каналы джонки,
Путешествий кончен час.

Завтра в Хельсинки, ребята,
Так что, можно и в пивбар,
Выпить пива – дело свято.
Пить, так пить, что за базар.

Ваня бармен, добрый парень,
Настоящий виртуоз.
Боны есть, и ты тут барин,
А пива много, целый воз.

Можно выпить, но сначала
Надо норму угадать,
Чтоб без шторма не качало,
Переборки не бодать.

Нас на Балтике качало,
Ну, да это не впервой.
Это нам конца начало,
Все равно идем домой.

Вот и финская столица,
А на море ветерок.
Да, не зря мне ночью снится
Край родной и костерок.

Мы в Финляндии пробудем
День-другой, и снова в путь.
В Ленинграде скоро будем,
Доберемся как-нибудь.

Сходим мы на берег снова.
Солнце, в зелени поля,
И застряло в горле слово:
Как похожая земля.

По столице финской ходим,
Словно нет у ней конца,
По березам взором водим,
Тем, что радуют сердца.

То не черные березы,
Нет, не буки и не плющ,
И не бергенские розы,
А березы белой ключ.

Той березы нет роднее,
По белей, чем белый свет.
Даже розовой моднее,
Нашей Родины привет.

И не надо нам культуры
Финской северной страны.
Повидали мы скульптуры
Всесторонней старины.

Нам теперь, скажу я, братцы,
Финны вовсе не нужны.
По скорей домой добраться,
До детей и до жены.

Вечер. Снова мы в пивбаре
Отдыхаем, пиво пьем.
Бон последний пропиваем,
Пропадет ведь нипочем.

Я, как будто сердцем чуял,
Взял четыре пузыря,

Ночь последнюю ночуем,
Выпил два совсем не зря.

А два вернул обратно Ване,
Сохрани, мол, до утра.
Боны кончились в кармане,
А мне спать идти пора.

К Ленинграду мы подходим.
Скоро на берег сойдем.
Надо выпить мимоходом
На прощанье с кораблем.

В бар вхожу, стоят два парня,
Просят пива им продать.
Отвечает бармен Ваня:
Нету пива, нече дать.

В баре пива нет ни сколько,
Выпили еще вчера.
Вон, вино осталось только.
Загружаться нам пора.

А тут я, ну как нарочно,
Подлил масла в огонек.
Обратился к Ване срочно.
Ну и пакостный денек.

«Вань, достань-ка мне бутылки», –
Говорю ему вполне.
Достает, как из бутылки,
Две бутылки отдал мне.

Парни чуть не взбеленились:
«Вот, ему-то ты нашел,
А нам вот нет!» «Вы что, взбесились?
Он вчера ко мне пришел.

Взял четыре штуки сразу,
А выпить не хватило сил.
Вот как вышло-то, зараза,
Сохранить и попросил.

И забрал он их законно.
Это пиво-то его.
Вы же видели из бонов
Не платил он ничего».

Корабль снова ход убавил
И встал у пирса на прикол.
Четыре тыщи миль оставил
Он за кормой, и вот пришел.

И с корабля сойдя, мы рады,
Что больше нет у нас преград.
По трапу, словно из ограды.
Ну, здравствуй, город Ленинград!

Рассказывать об этом сложно,
Под надзором, словно вор,
Через строгий пост таможни
Ты выходишь на простор.

А потом мы все собрались,
Да хорошим летним днем
Две минуты совещались,
Тур автобус мы возьмем.

И по Ленинграду едем
Через Неву по тем местам,
Где бывали лорды, леди,
И где счета нет мостам.

Не зря моря мы бороздили
Средь заграничной красоты,

И в Ленинград родной приплыли,
Чтоб посмотреть его мосты.

Мы и на Невском побывали,
Проехали по мостовой,
На Пискаревское попали,
Печальной славы боевой.

Тут не простое погребенье,
И не простая тишина,
А лет военных поколенье,
Которых забрала война.

Мы над могилами склонились,
Чтоб возложить на них цветы,
В молчании скорбном поклонились
От всей душевной чистоты.

С Пискаревским мы простились,
Время поезда учли.
Постояли, разделились,
По своим делам пошли.

Сдали в банк аккредитивы,
Чтоб купюры получить.
Тут у всех свои мотивы,
Сам решаешь, что купить.

Разошлись по Ленинграду.
Я нашел гостиный двор,
Магазин большой, что надо,
Загорается задор.

Отоварился немного,
Обошел за залом зал.
Ну, пора и мне в дорогу,
Потянул я на вокзал.

Скоро мы в Москву поедem.
До свиданья, Ленинград!
Может быть, еще приедem,
А теперь я дому рад.

Километры покрываем,
Мчится поезд на «ура»,
И в Москву мы прибываем
К десяти часам утра.

Здравствуй, Родины столица!
Здравствуй, город наш родной!
Пусть тебе во сне приснится,
Мы верны тебе одной.

Мы тебя в заморской дали,
В дальнем плаванье своем
Никогда не забывали,
О тебе одной поем.

Где бы не были мы все же,
Только в дальней стороне,
Ты становишься дороже
На чужбине нам в двойне.

Пусть часы на башне Спасской
Нам укажут нужный час,
Чтоб могли мы без опаски
Прогуляться еще раз.

У Кремля, у Мавзолея
Еще разик побывать,
Чтобы было веселее
Смысл жизни познавать.

Ночью мы домой поедem,
В нашу славную Сибирь.

Нам заморский край неведом,
А родней Сибири ширь.

Пусть гуляют в океанах
Разной масти корабли,
Нам не надо в дальних странах
Ни богатства, ни земли.

Это точно доказали.
На Бронхольме полегли,
Наши воины отдали
Жизнь за пядь чужой земли.

От фашистского захвата
Остров был освобожден,
Жизнью русского солдата
Враг Бронхольма побежден.

Так с боями пядь за пядью
Проходил солдата путь,
То в горах, то водной гладью,
Чтоб врагу не продохнуть.

Такова была дорога
Наших воинов отцов,
А в чужой стране тревога
Проберет и храбрецов.

Ну а нам пора в дорогу.
Днем по площади прошлись.
Все купили понемногу,
Продтоваром запаслись.

Ехать к дому двое суток.
Чтобы время совмещать,
Все продукты, кроме шуток,
Нам придется поглощать.

А что делать-то в дороге
Уж давно известно всем,
Забываются тревоги,
И тогда я пью да ем.

Как ни как, а к дому едем,
Это надо же понять.
Позади остались беды.
И пора бы лечь поспать.

Вы бы сами убедились,
Если б ехали со мной,
Спать мы вовсе не ложились
Ночь последнюю домой.

В три часа вдруг торможение,
От колес созданся визг.
Все, закончилось движение.
Здравствуй, наш Новосибирск!

До свиданья, скорый поезд.
Наш закончился поход.
Поменялся снова пояс,
У часов нормальный ход.

Тут рукой достать до дома.
Мчит машина под уклон,
И дорога нам знакома
В Колыванский район!

Скоро, скоро рассветает.
От зари идет рассвет.
Пусть полярный круг растает,
До него нам дела нет.

Мы домой к себе вернулись,
Здесь у нас свои дела.

Да при встрече улыбнулись,
Дома нас семья ждала!

Нам ночами море снится,
Город, тысячи огней,
Но сибирские зарницы
Лучше тех заморских дней.

Пусть у них дворцы и горы,
Небо разной синевы,
Но только русские просторы
Так достойные Москвы.

И ничто с ней не сравнится,
Ни какие острова,
А мне ночью часто снится
Наша Матушка-Москва!

ХРОМАЯ ЛОШАДЬ *(памяти жертв г. Пермь)*

Началась зима в России,
В городах опять беда:
Землю всю снега покрыли,
Загорелись города.

То пожары полыхают
От огня любых помех,
Люди в пламени сдыхают,
Наказал их Бог за грех.

Вот в Перми «Хромая лошадь»
Клуб ночных вульгарных встреч,
Не мала, большая площадь,
Кто-то выдумал поджечь.

Душ пятьсот, и задымление,
Выход узкий, и один.
Тут минута промедленья,
И мертвец ты, господин.

А тут пятьсот, шумиха, давка,
Люди корчатся, горят,
И к тому же, как добавка,
Выделяет пламя яд.

Дым, огонь и смерть гуляют
В помещенье в наши дни,
И все больше добавляют
Умирающих они.

В помещенье ужас, крики,
А у выхода возня,
А в глазах испуг и блики
От слезы и от огня.

И какой маньяк решился
Здесь устроить фейерверк,
Если враг, то он добился,
Одержал над клубом верх.

Только вот какой ценою
Та победа обошлась.
Жадность, алчность виною,
Как на деньги повелась.

Только деньги все затмили.
Прибыль – главная беда.
Целью клуба деньги были,
Прибывали, как вода,

При весеннем половодье.
Только в клубе круглый год.

Человечества отродье
Не додумались же, вот.

Им не надо безопасность,
На пожарных наплевать,
Только деньги вносят ясность,
Да умение давать

Откупные в виде взятки
От пожарных, от ментов,
От налогов, и порядки
Пусть поищут у кустов.

Да от выпитого пива
Там излишки отольют,
А с деньгами ты красиво
Будешь жить и там, и тут.

А законники и власти,
Если будут проверять,
Тоже любят деньги сласти.
Даш, и можно заверять

Документу, разрешенья
На открытие сего
Небольшого заведенья.
Все в порядке, ничего.

Открывайте, веселитесь.
Танцы-манцы, ресторан,
Там хоть в доску обкуритесь,
Хоть идите на таран.

Нам на это дела мало,
Мы надзор, не ветврачи.
Чья там лошадь захромала,
Ты хозяин, ты лечи.

А до людей, сюда ходящих,
Нам и вовсе дела нет,
Лишь бы были взятки чаще,
Да шикарнее обед.

Так бы все и получилось,
Лошадь, добрая душой,
Хоть хромала, но трудилась,
Да и выросла большой.

Поднялась, повыше стала,
И в два раза шириной
Прибыль выросла немало
В миллион иной порой.

А за вечер это круто.
Половина на расход.
Тут коню не надо путо,
Неплохой дает доход.

Хоть случались и накладки,
Деньги сводят всех с ума.
То с пожаркой не порядки
Лошадь знала и сама.

Но умели откупиться,
И работали опять.
Да и что могло случиться,
Если денег можно дать.

Только лошадь та хромала
Все сильнее с каждым днем,
Но доход-то был не малый,
А игра была с огнем.

Надо бы закрыть лошадку,
Но как жить без ней тогда.

Тут едали шоколадку
И большие господа.

И пожарники все ждали,
Что же скажут сверху им,
Да не раз предупреждали,
А надо б действовать самим.

Наложить арест на лошадь,
Опечатать и закрыть,
Огороженная площадь,
А с начальством как тут быть?

Тут питается верхушка,
И ментуре здесь легко.
Это айсберга макушка,
А подножье глубоко.

С ними спорить очень сложно,
И поднимается буза.
Ну, почти что невозможно.
Кто-то против, кто-то за.

Нарушенья, как осадки,
Все копились и гроза,
Но питье, закуски сладки,
Закрываются глаза.

А осадки набирались,
Разрастались вверх и вниз,
Уж наружу вырывались,
И однажды, взорвались.

В помещенье танцы, крики,
Музыкальный разворот,
От шаров зеркальных блики,
Дым и пламя лезут в рот.

Люди кинулись на выход.
Их не сотня, а пятьсот.
А пожар справляет прихоть,
Словно пчел сгоняет с сот.

Жертвы падают в удушье,
Кто успел – остался жив.
Гибель шла от малодушья,
А, быть может, был мотив.

Объясняют так невнятно.
Был холодный фейерверк.
Только вот не всем понятно,
Как огонь поднялся вверх.

Зал большой, а дым и пламя
Охватило сразу всех,
Это же не взмах руками
От ребяческих потех.

Полтора ста душ скончались,
Сколь скончается еще.
Люди в дыме задыхались,
Обжигались, горячо.

Получившие увечья,
Обожженных и больных
Только жадность, бессердечье
Порождает у иных.

В деньгах, алчности рогатой
Погибает человек.
Бизнес, дескать, виноватый
Да греховный пошлый век.

Да, в наш век нужны дензнаки,
Нам дают их за дела,

Но случаются и драки,
К ним идут через тела.

И дензнаки мутят разум
Даже умным мужикам,
А как хочется взять разом
И прибрать к своим рукам.

Если чувствуют удачу,
Что тут денег им дадут,
Да и власть еще в придачу,
То они на все идут.

Угрожают, убивают,
То пугают шантажом,
Поджигают и взрывают,
Добывают грабежом.

Что им люди, мама с папой,
Все равно они помрут,
Загребают деньги лапой,
Не боясь греха, берут.

А как же лошадь? Да, немало
Она прибыли дала,
А вот если б не хромала,
Может, дольше бы жила.

НОЧЬ

Сколько сложено песен о ночи!
Молодым ночь не только для сна,
И влюбленных горящие очи,
Наслаждения пьющих до дна.

Разговор переходит на шепот.
Да, любовь только в тайне ночной.
На дороге шуршанье, не топот,
Словно лист на поляне лесной.

То влюбленные тихо, неспешно,
Прижимаясь друг к дружке, идут.
Ночь в любви им поможет, конечно,
Они к счастью своему бредут.

Поцелуи в объятиях жарких,
Тихий шепот в ночной тишине,
Им не надо огней очень ярких,
Им достаточно звезд в вышине.

Позабыта усталость, работа,
Нипочем им прохлада росы,
В теплый дом им идти не охота,
И не смотрят они на часы.

Ночь проходит, заря наступает,
Над рекою туман, словно дым.
У влюбленных уж очи слипает,
Расставаться пора молодым.

Ах, какое тяжелое бремя
По домам расходиться опять.
Ночь, продли свое милое время,
Дай влюбленным еще постоять!

ЛЮБИТ, НЕ ЛЮБИТ

На лугу ромашки
Зацвели вокруг.
Девушки милашки
Собрались на луг.

Их тоска по милым
Позвала, видать,
Надо о любимом
В поле погадать.

Любит, не любит,
Плюнет, поцелует,
К сердцу прижмет,
К черту пошлет.

Вот в руках букеты,
Белые цветы
Подарило лето
Чудной красоты.

Голос, как у пташек,
Щечки, как заря.
Лепестки ромашек,
Отрывают зря.

Ласковым будет,
Скоро позабудет,
К сердцу прижмет
Или уйдет.

Наклонив головку,
Думают любя,
Что же так неловко
Вышло у тебя?

У парней работа,
Устают, видать,
У девчат забота,
На цветах гадать.

Любит, не любит,
Может, поцелует,

К сердцу прижмет,
Чувство поймет.

Кончатся покосы,
Уберут хлеба.
Расплетет ли косы,
Подскажи, судьба.

Запоеет сердечко
В тишине ночной,
Скажет ли словечко
Только мне одной?

Любит, не любит,
Ласковым будет,
К сердцу прижмет,
Замуж возьмет!

Любит!

ТЕПЛО ЮБИЛЕЯ

*(посвящается моей супруге
Ирине Николаевне)*

Вот и минуло семьдесят лет,
И опять собрались мы на вечер.
А на твой Юбилейный банкет
Пусть горят юбилейные свечи.

Пусть на улице ветер гудит,
Пролетают снежиночки пухом,
Ночь холодная в окна глядит,
Печь нас греет своим теплым духом.

Ничего, что уходят года,
Нас поддержат семья и родные.

Будь хорошей хозяйкой всегда,
Позабудь наши распри дурные.

Не теряйся при встрече с бедой,
Даже если она неподсилу,
Оставайся в душе молодой,
Нам с тобой еще рано в могилу.

Мы с тобой станцуем еще,
Лишь почаще гостям улыбайся,
Если сердце стучит горячо,
Пой, танцуй, никого не стесняйся.

Твой сегодня седьмой Юбилей.
Мы сегодня тебя поздравляем.
Ты крепись, молодись, не болей,
В честь тебя мы сегодня гуляем.

Будем жить, пока живы с тобой.
Сколько мы проживем, я не знаю.
Так начертано, видно, судьбой
Вместе жить нам до смерти, родная.

Если холодно будет зимой,
Мы с тобою мороз одолеем.
Холод лжи мы не пустим домой,
Мы любовью друг друга согреем.

Ничего, что в глазах синий дым,
Что от старости стали седые.
Мы на празднике жару дадим,
Пусть завидуют нам молодые!

С любовью любящий тебя муж.
21. 10. 2009.

ПЕСНЯ О ПЕСНЯХ

Говорят у нас в деревне,
Может, правду, может, нет,
Со времен довольно древних
Люди держат свой обет.

От болезней, что калечат,
От тяжелых сельских дел,
Все недуги люди лечат
Доброй песней, как удел.

Если зуб болит и ноет,
Может, правду говорят,
Песни боли успокоят,
Чудеса они творят.

На работу с песней едут,
И на отдыхе всегда
Отгоняют песней беды,
И не смотрят на года.

А в деревне дел немало,
Чтоб создать себе уют
Меж работой, как бывало,
От усталости поют.

А поют у нас обычно
Песни древней старины,
И душевно, и прилично
Для родимой стороны.

Как приятно песни слушать,
Даже в комнате пустой,
И устал, и хочешь кушать,
А с мелодией простой

Забываешь все на свете,
И усталость, и еду,
Даже солнце ярче светит,
Если ты попал в беду.

На душе твоей теплее,
Ты становишься добрей,
Мир становится милее,
А работа – веселей.

Да, в деревне песня пелась
И в лихие времена,
И от горя петь хотелось,
И когда была война.

Только песня нас, бывало,
Отвлекала от хандры,
И тревога убывала
До обеденной поры.

И работа шла спорее,
Выполнялась норма, план,
Настроение бодрее,
Сам становишься, как пан.

Норму выполнил – похвалят,
Премируют, подбодрят,
А не выполнишь, завалят
Новой песней, говорят.

Распекут, раскритикуют,
Да на сцене пропоют,
И такой огонь раздуют,
Не найдешь себе приют.

Так воспитывала песня
И хороших, и плохих.
А без песни ты хоть тресни
От острот девчат лихих.

Молодые нынче песни,
Как бы вовсе не с руки,
А вот старым интересно,
Подтверждают старики.

Нынче песня, как награда,
А в былые времена
Как звучали серенады
У девичьего окна.

Люди с песнею общались,
Ведь без песни ты, как перст.
А за песнею гонялись
Иногда за сотни верст.

Украинской песни нежной
Наслажденье обретешь.
Разухабистой, небрежной
Веселилась молодежь.

Если песня вам знакома,
Легкой радости настрой,
Эта песня даже дома
Повторяется порой.

И мурлычут между делом,
С песней спорятся дела,
О герое очень смелом,
Что Отчизна родила.

О былых походах славных,
Где судьба звала вперед.

О вождях народных, главных,
Тех, что пуля не берет.

А на праздничном застолье
Гости кушают и пьют,
А потом, как на приволье,
Песни с радостью поют.

Так пускай поется песня,
Та, что радует народ.
Жить-то с песней интересно,
С песней горе не берет.

С песней мы идем по жизни,
И на сердце с ней легко.
Если песня об Отчизне,
То уводит далеко.

ЗЕРКАЛО

Я в зеркало смотрюсь не часто.
Так, для прически, для бритья,
Иду ли утром умываться,
Другое все галиматья.

Я ведь не красная девица,
А человек, как есть, простой.
Чего мне в зеркало дивиться,
Пусть смотрится в него пустой.

Бездумный франт и задавака,
Гордясь своею красотой,
Хвастун, дурак и забияка,
Бобыль бездетный, холостой.

Те любят в зеркало смотреться,
Проверить внешность, все ли так,
Мечтать в авторитет втереться,
Продаться за простой пятак.

За девой красной волочиться,
Покрасоваться, пофорсить,
Да в пустомельстве отличиться,
Непотребимое просить.

Такие в зеркало смотреться
Готовые в любой момент.
Юлой на танцах повертеться,
Им зеркало как элемент

Необходимый в их укладе,
Они не могут без него,
Идут к стекляшке, как к награде,
Боготворят себя, его.

Не понимая смысла жизни
Стоящих на пустой меже,
Не видя в зеркале Отчизны,
Лишь думают о протее.

Такому не понять от века,
Чем люди в жизни хороши.
Не внешность красит человека,
А зеркало его души!

Не той души, что стонет тяжко,
Страдающей от наркоты,
А той, что вся на растопашку
Широкой русской красоты!

ЧАСЫ

Часы нам делят время суток,
Распределят день и ночь,
Чтоб знать часы для дел и шуток,
В хозяйстве, может, чем помочь.

Когда вставать и умываться,
Зарядку делать начинать,
Полезным делом заниматься,
Когда ложиться почивать.

На все часы укажут время,
Распределят на все дела.
Дров принести к печи беремь,
Чтоб печь натоплена была.

Режим держать по распорядку,
Владеть собою по часам.
Часы не только на зарядку
Идут навстречу чудесам.

На все отводятся минуты:
На ужин, отдых и кино.
Нельзя нам время тратить круто,
На все отводится оно.

И мы к часам привыкли с детства.
Без них нам жить нельзя никак.
Без циферблатных стрелок бегства
Вся жизнь пойдет у вас не так.

Вы перепутаете время
На сон, работу и обед.
Жокей не вставит ногу в стремя,
Не будет радости побед.

И пусть часы стучат и ходят,
Отводят время на года,
Нас в даль безбрежную уводят
На вечность жизни навсегда!

БАБА БОРИСИХА

На селе работы много,
Надо двигаться всегда.
Сохранить здоровье строго
Не мешает никогда.

Труд физический ударный
Каждый день и каждый год,
На земле он благодарный,
И зависит от погод.

Потягаться, расслабляться
В сельской жизни недосуг.
И работы не бояться,
Не берет таких недуг.

Человек в селе вздыхает
От тяжелого труда,
Устает и отдыхает
Поневоле иногда.

Но когда он отдыхает,
То без дела не сидит,
И в делах не утихает,
На часы он не глядит.

У него всегда заботы
От тяжелого труда,
Переделать все работы
Он мечтает иногда.

Люди часто вспоминают,
Как жила не так давно,
И в лицо, и имя знают
Все в деревне Южино.

Звали баба Борисиха.
Вот уж женщина была,
По здоровью, как лосиха,
И охоча на дела.

Ходит прямо, не сгибаясь,
По мужицки ест обед,
По привычке улыбаясь,
Хоть за восемьдесят лет.

Летом дома не сидела:
То готовила дрова,
То грибы в лесу глядела,
Подрастает ли трава.

Не пора ли в руки косу,
Овцам сена накосить,
Чтобы не было вопросов
И соседа не простить.

Летом тяпала картошку.
Разболелась голова,
Отдохнуть пошла немножко,
Поколоть часок дрова.

И пока дрова колола,
Голова у ней прошла.
Всю картошку прополола,
За грибами в лес пошла.

В ней была мужская сила.
Не теряла зренья, слух.

Головной убор носила,
Не платок – простой лопух.

И идет, шагает просто,
Четко твердо, как солдат.
Велика, два метра ростом.
Богатырский агрегат.

Не разгадана порода
Наших русских матерей.
Знать, сибирская природа
Нам родит богатырей.

Да, они переживали
И разлуку, и беду,
Боль трудом одолевали
У соседей на виду.

Тяжело, не сладко жили
При разрухе от войны,
Но детей, внучат растили,
А счастьем были только сны.

Землю-матушку копали,
Будто клад, что ищет гном,
А ночами засыпали
Богатырским, крепким сном.

А на утро вновь неволя
Да забота, как же жить.
Сибирячке русской доля
Поневоле сильной быть.

Оттого и не сломила
Их ни горе, ни беда,
Только сталью закалила
На оставшиеся года!

ДЖЕК ВОРОБЕЙ

Я Джек, я Воробей – пират морской,
Гляжу на море с болью и тоской!

Как призрак, появляюсь я все реже!
Но на пути не стой, а то зарежу.

А перед Богом у меня одна вина,
Я слишком много выпивал вина.

Я пашкою машу и в рог трублю.
Не подходи, в капусту изрублю!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

(Дьячковой Александре посвящается)

Поздравляя с днем рожденья
Внучку милую свою,
В праздник мы без вороженья
Соберемся все в семью.

Тост поднимем за здоровье,
Пожелаем много лет.
Без большого многословья
Дарим банковский билет,

На который можно будет
В магазине взять конфет.
Может, радости прибудет
В этот праздничный банкет.

Пусть Сашуля не забудет
В эти юные года,
И веселой, доброй будет,
Да счастливою всегда.

На уроках не скучает,
В школе учится с душой,
Да пятерки получает,
И растет, растет большой!

А сегодня пусть ей будет
Улыбаться солнца свет.
День рожденья не забудет
На свои тринадцать лет!

СТАРОСТЬ

Жили-были, дед и баба.
Постарели, знать, они.
Раньше, просто для забавы,
Проводили с песней дни.

Но с годами трудно стало,
Им без дела – скуката.
Внуков нянчили, бывало,
Да вот выросла чета.

Внуки птицей воспарили
В институтах, в городах,
Деда с бабой позабыли.
Все меняется в годах.

А года текут, как реки,
Их нельзя остановить.
Дед толкует для потехи:
Толь гнездо поновой свить.

Сядь ты, старый, успокойся.
Нам бы это сохранить.
Вон, побрейся да умойся,
Да садись чайку попить.

Нам с тобою лишь осталось
Только смерти ожидать,
Такова судьба досталась
На двоих, ни взять, ни дать.

Иногда берет усталость,
Правду люди говорят:
Старость, видимо, не радость.
Вот и очи не горят.

Взгляд туманный и усталый,
Так что пей пока свой чай.
Был когда-то ты удалый,
Да весь вышел, невзначай.

Вот как в старости бывает,
Руки, ноги устают,
А здоровье убывает.
Знать, придется нам в приют.

А трудней всего зимою.
Вьюга воет у виска.
Ночью длинною, немою
Надвигается тоска.

СУДЬБА ПАСТУХА

У пастуха бывают дни,
Когда он песни распевает,
Но все меняются они,
Он за скота переживает.

Поднялся ветер штормовой,
Дождь, град и молния сверкает.
Плащом укрылся с головой,
А плащ, как тряпка, промокает.

Держись, пастух, твоя судьба
Держаться, что бы не случилось.
Твоя работа, как борьба,
Так, чтобы стадо сохранилось.

Тут ты не должен скот бросать,
Стадо не может быть без глазу.
Если беда, скота спасать
Ты отвечаешь по приказу.

Слабак не выдержит и час.
Не зря в народе говорится,
Скотине нужен глаз да глаз,
Иначе стадо разбежится.

Поэтому у пастуха
Всегда ответственности много.
Пасти скота – не чепуха,
Ведь у скота своя дорога.

А ты, пастух, не часовой,
Твоя работа не простая,
Ты отвечаешь головой,
Видать, судьба твоя такая.

ПОЧТА

Почта – это связь меж городов,
Районов, между сел, а там – домов.
История ее от ямщиков
Уходит в глубину веков.

Гоняли почту ямщики,
Лошадки были неплохи.
Так ехали ямщицкие кибитки,
В кибитках почта и пожитки.

Так к яму на перекладных
Вся почта шла без выходных.
И лишь весною, как бывало,
На половодье застревала.

Но ненадолго. Им по праву
Всегда давали переправу.

И почта по реке плыла,
По царскому указу шла.
Но с той поры прошли века,
И стала почта велика.

Теперь уж на других колесах,
Компьютер, рация в вопросах,
Тут самолеты, поезда,
И спутник светит, как звезда,
И почта над землей летит,
То – не кибитка тарахтит.

На место вовремя отправят,
А почтальоны нам доставят
Газеты, письма, телеграммы.
Закон почтовой панорамы,
Расписано все по часам.
Ну, как не удивляться нам.

Сменилась жизнь, а с ней закон.
Гляди, шагает почтальон.
Тебе он пенсию принес,
Вот распишись, и весь вопрос.

НОВОГОДНИЙ ХОРОВОД

В школе праздник новогодний,
Вокруг елки хоровод.
Радость детская сегодня
Отмечает Новый Год.

Этот день зимой холодной
Встретил с радостью народ,
Нынче праздник новогодний,
Значит снова Новый Год.

Отмечается неплохо,
Люди ждут его давно,
Словно новую эпоху,
Он для них не все равно.

Утро славно поднимает
Нас на новые дела,
И здоровье не хромает,
Ночь нам отдыха дала.

Ты проснулся, улыбнулся.
С добрым утром, новый день!
Позевнул да потянулся,
Прогоняя сон и лень.

Пусть на улице буранит,
Порошит в лицо снежком,
А дорожка в школу тянет.
Погляди, идут пешком.

Наши внуки и детишки
Улыбаются, идут,
А в руках у них не книжки,
Реквизиты все несут.

Маскарадные костюмы,
Маски, краски, мишура.
У детей сегодня думы,
Снаряжаться им пора.

Скоро утренник начнется,
Вокруг елки хоровод,
Словно веер развернется,
Дед Мороз их поведет.

Все в костюмах маскарадных,
Тут и зайчик, и лиса,
В ярких платьицах нарядных.
Вокруг елки чудеса.

Тут снегурочка со всеми
И танцует, и поет.
Да приветствуют по теме.
Все встречают Новый Год.

Все друг друга поздравляют,
Гонят прочь хандру, беду,
Счастья, радости желают
В новом будущем году!

КОРРЕСПОНДЕНТ

Живет человек в Колывани.
Работа – читай да пиши.
О людях, о Ване, о Тане.
Для русской, Сибирской души.

С приветливой милой улыбкой,
Вас встретить готова всегда.
Дорогой неторною, зыбкой
Проходят в тревоге года.

Газетной строкой отражая
События всех перемен,
По сельским местам разъезжая,
Работает, как супермен.

Чтоб в следующий номер газеты
Свой репортаж написать,
Ей не надо шикарной кареты –
Только бы материал отыскать.

Да, наша газета такая,
Что мимо нее не пройдешь.
Она трудовая, простая,
Но лучше нигде не найдешь.

О случаях разных, нештатных
Я в «Правде» всегда узнаю.
Доходчивых, просто понятных,
В моем Колыванском краю.

Готовится наша газета,
Чтоб мы с ней общаться могли.
Я ей посылаю приветы
От нашей Южинской земли.

Вот так, как газетная лента,
По жизни идет человек.
С походкою корреспондента.
Он связан с газетой на век!

О жизни другой не мечтает,
Не ищет особых идей,
Газету свою почитает.
Он пишет для нас, для людей!

ХИТРОСТЬ

На земле, не первый век
Жил хитрющий человек.
Он все россыпи искал,
Как геолог, среди скал.

Да всегда косил от дела.
А хитрил до беспредела,
И работать не любил,
Хоть баклуши и не бил.

Перегнется весь дугой:
Я же добрый, я благой.
А косою да вилами
Вы работайте уж сами.

Я работать не гожусь,
Надсадиться вот боюсь.
Силы нет совсем от века,
Я родился уж калека:

Плоскостопье, слепота –
Вот какая маята.
А еще я нажил грыжу.
А сослепу вот не вижу.

Точно знаю, она есть.
Потому хочу я есть.

А народ над ним смеется:
Может грыжа и найдется,
Если ты возьмешь лукошко,
Поработаешь немножко.

В огороде до обеда
Покопай картошки следом,

Да получше собирай.
Потом высыплешь в сарай.

Дров для печки напили,
Да помельче наколи.
Завяжи ладом живот,
Тут и грыжа заживет.

А хитрюга все галдит.
Сам он в сторону глядит:
Как же я слепой увижу,
Где завязывать мне грыжу?

Ну, ты хитрый и глупой,
Ну, какой же ты слепой!
Да я не только свою грыжу,
На стене часы не вижу.

Вон часы висят на стенке.
Видите? Разуйте зенки!
Я же их совсем не вижу,
А вы мне еще и грыжу!

ЦЕНА ТРУДУ

Тяжелый год, две тысячи девятый.
Для хлебороба – просто маята.
И урожай как будто бы богатый,
Да вот беда: цена ему не та.

А сколько было на полях работы:
Пахать и сеять, влагу прибивать,
Потом за всходы – думы и заботы;
С подкормкой время бы не прозевать.

Чтоб зерна наливались полновесно,
Ведь хлеб – всему на свете голова.
Да, хлебороб с землею связан тесно.
Но бьют долги его, как булава.

Весною хлебороба заверяли:
Работай, цену хлебу мы дадим.
А осенью все заверения пропали,
Развеялись, как легкий сизый дым.

И хлебоборб опять в долгах остался.
Вместо шести – дают два-три рубля.
А он на поле день и ночь старался,
Теперь, как капитан без корабля.

Стоит и думает, как дальше жить
он будет,
Как с долгом рассчитается теперь.
Едва ли заверенья он забудет,
Он человек с понятием, не зверь.

Он на земле родился и работал,
И честности его учила мать;
О хлебе только знал одну заботу,
Другой и не хотел он понимать.

А лето выдалось холодное, сырое,
Такого не припомнят старики,
И помощь мужику нужна порою,
Тут отчуждаться как-то не с руки.

Мужик старался – и пахал, а сеял,
А урожай за лето не созрел.
Он в поле хлеб обмолотил, провеял.
Да просушить, как надо, не сумел.

Сушилка обесточена, не сушит.
Зерно сырое некуда девать.
Пожар банкротства дядя не потушит,
Придется за копейки продавать.

Да, получается печальная картина.
Как будет жить крестьянин, хлебороб?
Под нож пойдет последняя скотина,
Не купишь больше запчастей и роб.

Тяжелый год, две тысячи девятый.
И пахоты убавилось на треть.
Да, жил когда-то хлебороб богато,
Теперь осталось – лечь и умереть.

ЧАСТУШКИ

Эх, жена, моя жена,
Курица насадка!
Не ревнуй – мне не нужна
Вдовушка соседка.

Мы с милашкою вдвоем
В лес за ягодой пойдем,
Там на горке есть клубника,
А под горкой земляника.

Разгулялася жена,
Видно выпила вина –
Ходит песенки поет,
А мне выпить не дает.

На рыбалке загуляли,
Рыбу всю пораспугали.
И рыбешка не клевала,
Зато водка убывала.

Высоко орел летает,
Носит пищу он в когтях.
Моя милка выражает:
Ходит в лыковых лаптях.

Раз я водочки купил
И немножечко попил.
Тут излишние слова:
Плохо варит голова.

Едет Ваня на коне,
Скоро женится на мне.
Была дочка мамина,
Буду женка Ванина.

Мы с милашкой миловались,
На кровати целовались,
И теперь моя милашка
Ходит, словно черепашка.

Мы с милашкой целовались
Возле речки при луне.
На дорожке повстречались,
А расстались на гумне.

Мы с милашкою в лесу
Видели явление,
Как зайчишка на лису
Оказывал давление.

ЧЕШНОК

Чеснок мы садим в огороде.
Стараемся за ним глядим.
Хотя и горький овощ вроде,
И все же мы его едим.

И пусть он жгучий и вонючий,
Он резче, чем обычный лук,
Зато от гриппа – самый лучший,
Избавит от гриппозных мук.

Вас чих и насморк одолели?
Бежать в аптеку не спеши.
Немного чеснока поели,
Чуть надавил в стакан – дыши

Чесночно-резко-терпким духом,
И насморк кончится, пройдет.
Недуг липучим легким пухом
К вам не прилипнет, не придет.

Чеснок расходуется мало,
Но он везде идет, пока
Обычное свиное сало
Не солится без чеснока.

Он добавляется в салаты,
Да мало ли куда еще!
Поэтому и стоит платы
В кафе, в столовых – суп харчо.

И в старину чеснок являлся
Как оберегом от чумы
И в дезинфекцию внедрялся.
Да, чесноком лечились мы.

А когда грипп или простуда
И все лекарства кувырком,
Тогда среди таблеток груды
Вы натирайтесь чесноком!

ЗИМА В СИБИРИ

В конце две тысячи девятого
Морозы наступили, а меж морозами –
обильный снегопад.
Такие перепады раньше тоже были,
С погодой – не однажды невпопад.

Так наступил две тысячи десятый.
Зима с морозами расстаться не спешит.
А ветер зимний – резкий, угловатый –
Снег на полях, как сено ворошит.

Да, нас зима в Сибири не жалеет,
Характер свой нам показать спешит:
То снегопадом, словно пухом сеет,
И оттепели быть нескоро разрешит.

Но нас, сибиряков, зима не напугает,
Мы к ней привыкли. Мы – сибиряки!
И лишь южанин зимушку ругает,
А нам с зимой ругаться не с руки.

Она для нас – полезная, родная.
Мороз ядреный только ободрит.
От снегопадов больше урожая, –
Так весь народ в Сибири говорит.

И пусть живет зима у нас в Сибири,
А ветер в поле веселится и поет,
Гуляет по сибирской белой шири
Да продолжает зимний свой полет.

ЖИВИ, ДАВАЙ

(пожелания друга Бориса)

Есть дружок у меня в Колывани,
Откровенный, простой человек.
Он не требует рангов и званий
И не хаает свой жизненный век.

Любит спорт, понимает в футболе,
Он ворота не раз защищал.
Жизнь прожитую любит тем боле,
В поражениях не ныл, не пищал.

А если чувствует – побеждает,
Он еще оптимизма придаст:
Поэтичной строкой отражает
И товарищу скиснуть не даст.

Правду-матку в глаза точно режет.
Ну а если случится беда,
Не оставит он друга, поддержит:
Сам в беду попадал иногда.

Но, однако, он не унывает,
И поет, и танцует на бис,
И стихи сочиняет, бывает.
Молодец мой приятель Борис!

Как-то я о здоровье заметил,
А он в трубку в ответ: не реви!
Но потом он по-сельски ответил:
Ты, дружок, давай-ка живи!

И вот эти простые два слова,
Когда я услышал от него,
Для меня стали в жизни основой,
А для здоровья – дороже всего.

Прогоняя сердечные боли,
Или вдруг заболит голова,
Собирая в себе силу воли,
Я его повторяю слова.

Прогони всю хандру и кручину,
Жизнь прекрасная – не унывай,
Выпей пива, на то есть причина,
И по-сельски живи-ка, давай!

СОДЕРЖАНИЕ

Кисет (рассказ).....	5
Платочек (рассказ).....	10
Орел (рассказ).....	11
Родина.....	13
Путевка (поэма).....	14
Хромая лошадь	51
Ночь.....	57
Любит, не любит.....	58
Тепло юбилея (посвящается моей супруге Ирине Николаевне)	60
Песня о песнях.....	62
Зеркало.....	65
Часы.....	67
Баба Борисиха.....	68
Джек Воробей.....	71
Поздравление (Дьячковой Александре посвящается).....	71
Старость.....	72
Судьба пастуха.....	73
Почта	74
Новогодний хоровод.....	76
Корреспондент.....	77
Хитрость.....	79
Цена труду.....	80
Частушки.....	82
Чеснок.....	83
Зима в Сибири.....	84
Живи, давай (пожелания друга Бориса).....	85

ДЬЯЧКОВ
Михаил Иванович

РОДИНА
Рассказы и стихотворения